

К Р И Т И К А

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
НАШ САЙТ: denlit.ru
ЭЛЕКТРОННЫЙ АДРЕС:
denlitera@yandex.ru

или Куда делся великий читатель?

Скажу сразу – это очень хорошая книга, хотя издана недавно – как-то лениво и равнодушно: так раньше делали книги затурканные редакторы: “Всё же, мол, правильно, без промашек, а чего ещё надо?!” Но автор не зря назвал её **“Роман с жизнью”**: это действительно своего рода роман Хемингуэя с его и вообще с жизнью, – но это и произведение **Игоря Михайлова**, выставленное как роман, хотя и абсолютно документальный.

...А ведь это была такая веха в нашей жизни – и не только литературной: не было, кажется, дома с мало-мальски интеллигентской обстановкой, в котором не висел бы на стене его знаменитый образ с бородой и в свитере. (У меня, правда, не было: ну, во-первых, я не интеллигент... а, во-вторых, что-то во мне всегда сопротивлялось этой моде – и особенно не нравилось, когда его панбратски называли – Хэм: так получалось, через “з”.)

Мы – русские (в общем смысле этого слова) – народ, как известно, литературный (были, по крайней мере) ещё со времён Пушкина и Гоголя – и даже раньше. Тому много причин – и одна из них, может быть, самая главная: при любой цензуре – уважительное отношение власти имущих к “язычной сповестности”. Чтение никогда не было у нас пустым занятием – даже наоборот: у нас и цари читали, и Ленин, и Сталин... а Хрущёв и Брежнев уже книг не читали, или совсем мало и в молодости. А зря! Потому что идеологические чиновники, которым они отдали всё на откуп, уже с большей долей цинизма, довели всё до полного абсурда – и загубили идею, которая была не так уж плоха: на основе классической литературы, русской и зарубежной, вырастить советскую – и на ней воспитывать советских людей. Ведь что было бы с миллионы таких, как я, допустим, живший в детстве на маленьком разъезде в Кемеровской области, с маленькой школой на двадцать учеников, но с библиотекой – школьной или принадлежавшей учительнице, всеми уважаемой Софье Петровне, которая была у нас всем, ибо всё крутилось вокруг школы. Которую, кстати, построили году в сорок восьмом или девятом: война совсем недавно кончилась... у отца моего ещё свещ не зажил и постоянно сочился там, где было плечо, которое ему отрезали вместе с рукой, раздробленной автоматной очередью... хлеба белого почти не видели, сахара по маленькому кусочку к чаю... но школу построили – уютную, удобную, с верандой, с раздевалкой, с пионерской комнатой и тёплыми туалетами – простыми, без всяких унитазов, но с проходом из школьного коридора, из которого, с другой стороны, был и вход в учительскую квартиру, пристроенную прямо к школе – так что, когда было уж очень холодно и школьные печи не справлялись, Софья Петровна уводила нас к себе, расхаживала два класса в разных комнатах, а после занятий поила нас чаем с белым хлебом, который у неё волился чаще, чем у нас всех. В наши занятия входила и подготовка концертов ко всем праздникам, на которые стекалось всё население разъезда – посмотреть на своих маленьких артистов, поскольку все мы там были

задействованы – пели, танцевали, читали стихи и прочее. Но это праздники. А в будни, особенно долгими зимними вечерами, взрослые и дети собирались у кого-нибудь, в том числе и у нас, и при свете керосиновой лампы читали книги вслух. Электричества на разъезде не было, и радиоприёмник батарейный был один – в бригадирской, где я слушал его только один раз, когда хоронили Сталина.

К чему и почему я всё это говорю? А к тому, что благодаря всему этому у Хемингуэя, когда он стал печататься у нас, оказалось много миллионов читателей и почитателей. И ему было приятно об этом услышать от Микояна, который также сообщил, что ему будет выплачено за все издания 100 тысяч долларов гонорара – огромные деньги по тем временам, – от которых Хемингуэй отказался.

Конечно, Хемингуэю у нас повезло: он смолodu был ярым противником фашизма – да и с американской системой он очень ладил (по причинам, о которых подробно и достоверно рассказано Игорем Михайловым) – и это сближало его с нашей идеологической линией. И хотя к большевизму он тоже относился настороженно, однако напрямую это нигде не звучало и, как говорят математики, этим можно было пренебречь.

Но тех миллионов читателей Хемингуэя у нас, к сожалению, уже нет: ведь у него был подготовленный, квалифицированный, я бы сказал, читатель... и он-то в любом случае познался бы, что вышла такая вот книга Игоря Михайлова о Хемингуэе и, как лет тридцать назад, вмиг расхвтал бы её, даже не заметив каких-то издательских недочётов.

Сейчас во всём, и в этом тоже, принято винить проклятых демократов с их лживыми разрушительными реформами. Но это несправедливо: они только докончили то, что началось, когда они ещё были октябристами и с растерянным изумлением смотрели, как их старшие товарищи, пионеры, выкалывали глаза товарищу Сталину на портретах в разных учебниках и книжках. Тогда как раз правил тоже очень решительный реформатор, который, в отличие от Сталина, книг не читал и совсем не думал о том, что, уничтожая деревню в нашей всё ещё крестьянской стране, он наносит вред страшнее сталинской коллективизации.

...Чем же он оказался так интересен и так близок нам – этот парень, который так честно и открыто смотрит на нас с передней крышки переплёта книги Игоря Михайлова? Наверное, та-

ким когда-то лучшие люди Америки хотели бы видеть всех американских парней, готовых бороться за идеалы справедливости там, где они нагло попирались чьей-то злой волей. Стопроцентный американец по происхождению и воспитанию – он мало жил в Америке и был, в сущности, гражданином Мира. Имея возможность посмотреть на свою родину и на другие страны как бы со стороны, он видел в них и хорошее и плохое. “Это особенность Хемингуэя, – говорит Игорь Михайлов, – его ощущение гражданина мира и позволяет ему создавать произведения, которые заставляют сопереживать и понятны людям многих стран и континентов”. Хотя мне вообще кажется, что вот это ощущение гражданина мира (из-за особенностей формирования

одного из бойцов – амбалы, поставленному в заведомо выигрышное положение. И это поступок! (Хотя, мордобой случались и у нас в буфете Дома литераторов – но причины совсем другие.)

У меня в юности был период страшного разочарования в художественной литературе, когда я осознал вдруг, что все это выдуманно... неправда (не понимал ещё, что бывает художественная правда). А позже, когда уже сам писал, не любил пишущих от первого лица – как бы о себе любимом. Хемингуэй же как раз много писал, что

Виктор СУГЛОБОВ

Прощай, Хемингуэй!

нации” есть почти в каждом американце – даже если он живёт в каком-нибудь заштатном городишке, путает Австрию с Австралией, Иран с Ираком: но сначала патриотизма, разумеется. (Мы, как известно, во многом похожи на американцев – и в этом, я думаю, тоже: только у большинства из нас никогда не было ни средств, ни возможностей, будучи патриотами России, жить и быть гражданами мира. А тем не менее, у кого есть такие средства и возможности, дела нет ни до кого и ни до чего, кроме денег.)

Для Хемингуэя весь мир был его большим домом, а все народы – его семьёй, за которую он не просто болел и переживал, а тотчас стремился туда, где зло и несправедливость брали верх, чтобы противостоять этому. И Михайлов приводит строки из письма Ивану Кашкину – переводчику Хемингуэя: “Жить в действии для меня намного легче, чем писать...”

– и далее: “Но когда пишешь, никогда не удаётся написать так, как хотелось бы...”

Но для Хемингуэя писать хорошо – это, прежде всего, писать честно, а уж потом разные стилиевые языки, которыми баловались тогда многие в его окружении. То есть, он писал, как жил... а жил он честно, открыто и смело: не боялся – ни людей, ни зверей... ни фашистов, ни своих ФБРовцев, державших его на учёте, как не совсем благонадежного американца (о чём свидетельствуют документы, впервые, мне кажется, приведенные именно в книге Игоря Михайлова). И проявлялось это во всём – на каждом шагу, в каждый момент его жизни: чего стоит случай, когда Хемингуэй, увидев бесчестный бой, выскочил на ринг и врезал по морде

называется, “с себя”, и был узнаваем под любыми именами. Но тут было что-то особенное, вызывающее полное доверие, и это особенное – личность писателя: ему нельзя было не верить именно потому, что он, повторяю, писал, как жил, и жил, как писал. Именно через него я осознал, что писатель – это, прежде всего, человек: его жизнь, его характер, его моральные принципы и понятия о совести и чести.

Теперь это вообще неважно... нигде – и в литературе тоже... Вот увидел как-то писательницу Татьяну Устинову в телевизоре: она поучала какую-то женщину, как без проблем и скандалов летать на самолёте с ребёнком, на которого не полагается билет. “Я”, – говорит писательница, просто покупаю на ребёнка второй билет – и никаких проблем”.

Действительно просто, – подумал я... – но может у этой женщины просто нет денег на второй билет: я знаю многих таких людей, которые именно поэтому не могли полететь на похороны своих близких: страна-то у нас большая, а билеты – ого-го! У меня племянница в Алтайском крае работала в СГПУ коммандантом общешкольной – за три тысячи рублей: но и тех уже нет, так как училище закрыли, – и на мои похороны она уж точно не сможет прилететь... (хотя, конечно, правильно кто-то решил: зачем в Угловском районе сельское профтехучилище, если поля вокруг, на которых когда-то росла пшеница, кукуруза, подсолнухи, – уже давно поросли сосенками выше моего роста).

...И, возвращаясь к замечательной книге Михайлова, хочу оспорить только одно его утверждение: что “интерес к творчеству и судьбе Эрнеста Хемингуэя продолжал расти и сегодня...”. Не похоже! Дай Бог, чтобы об этой книге узнали хотя бы те оставшиеся бывшие советские читатели (а их ещё много по стране, доживающих свой невесёлый век, но сохранивших, как первую любовь, те давние чувства и переживания, которые они испытывали, общаясь с творчеством такого удивительного человека и писателя как Эрнест Хемингуэй... Но как они узнают? Литературной среды в стране давно нет, критики нет, а книжные обзоры в телевизоре исключительно для своих и вокруг своей тусовки... Но даже и узнают... как её заполучить, до-

Если взять строку из колыбельной песни (“Баю-баюшки, баю...”), добавить подтягивание драгоценной пулеметной очереди, уханье снарядов, зю-ю-юканье мин да ещё “Времена года” Вивальди – что из этого получится? Наверное, чудовищная симфония абсурда, которую разыгрывают до сих пор на земле братского народа и которую смог услышать и мастерски донести до читателя Николай Иванов.

И Николай Иванов, и многие другие писатели вслед за

Наталья ТЕРЕХИНА

Львом Толстым осуждали войну, называя её “сумасшествием...”, “злом...”, “чудовищной нелепостью...”, “сплошным зверством...”, “противным человеческому разуму и всей человеческой природе”, обнажали трагедийность, болезненность её сущности, бездну безразличности и безумия. **Новелла Николая Иванова “Партер. Седьмой ряд”** открывает новые границы этой страшной пропасти. Это, несомненно, новое слово в прозе о войне.

Как всегда у Иванова, повествование представляет собой сплав сердца и ума, вызывает не только сильнейшие эмоции, но и помогает читателю прийти к важнейшим умозаключениям. Это ещё один уникальный пример сочетания философии и поэзии.

Мы оказываемся в перевернутом, ужасающе больном мире, в Зазеркалье войны, развязанной в Донбассе. Безумие войны доведено до абсурдной своей сущности. Привычные нам вещи и явления приобретают совершенно иной, противоположный смысл. И поэтому здесь люди спасаются не в домах, а на кладбище (“какое же это счастье – оказаться во время обстрела на кладбище!..” – сколько горькой иронии в этих строчках!). Действие новеллы происходит именно на кладбище: “царство мертвых” – для продолжения жизни? А погибшую на захоронении мужа почталюнка несут на черенках лопат домой... Причем, над ней никто не причитает, не потому, что некому, а потому, что сама смерть стала привычной, повседневной реальностью. А ещё потому, что изменились временные категории: почталюнка пожила долго даже по сравнению с вечностью. И у вечности новые измерения, вечностью могут быть четыре минуты, а именно: “где-то два десятка успешных снарядов, тысячи полторы пуль, раз пятьдесят успеют у-ухнуть и столько же прою-ю-юзять до звона в ушах...”. Вечность измеряется количеством несущённых жизней...

Для персонажей новеллы существует только одно время года – война. О том, что в разгаре весна, им напоминает фрагмент концерта Вивальди – звонок мобильного телефона. Кусочек той, мирной, довоенной действительности воспринимается здесь как нечто чудное, странное, “некстати”. И снова сколько горькой иронии: “Производители мобильных телефонов, оказываются, такие юмористы, такие чудики: вставляют вместо звонка не команды “К бою!” или “Всем бейтись!”, а музыку итальянского католического священника!..”

Ориентиром для миномётчинок являются православная святая – крест, “взбежавший на цыпочках по куполу кладбищенской часовенки в самую высь...”, это “всего лишь прекрасный ориентир для миномётчинок, что именно от него делают поправки в расчётах

для меткой стрельбы”... Выделю – “всего лишь”. И более того, “крест-ориентир в благоую помощь...”. Убийство мирного населения – это благое дело?! Заповедь “не убий” превращается в прямо противоположную: “убий!” Чья это заповедь? – Догадаться нетрудно.

В абсурдном мире нет ничего святого. Поэтому, как во времена преследования христиан, поджигают храм, а батюшка, получивший тяжёлые ожоги при тушении, “страдает духовно и телесно” в больнице... Вместо него провожает в последний путь кума, которая перекрестила мальчишку, что-то “пропелат ему в ушко на мотив молитвенного...”.

Сейчас многие говорят о втором пришествии Христа. Узнаем ли мы Его? Каким Он явится нам? А если младенцем, неузнанным и погибшим от руки нового Ирода, как Богдан? Что тогда будет с человечеством?

По приказанию новых иродов истребляется целый народ. На улице, где стоит дом Веры, не осталось больше детей. Нет детей – нет будущего. Таёт взрослое население. Партер ведь – это только первые ряды, за ним идёт бельэтаж, амфитеатр, балкон... Расширяется городское кладбище, копачи начинают новый, седьмой ряд могилкой для погибшего младенца. Остальное место – для будущих жертв... Пустеют улицы – и как символ абсолютного одиночества – собака, у которой нет теперь ни хозяина, ни хозяйки...

С кем же сражаются украинские миномётчики, действующие по принципу “выстрелил – и забыл”? Бравые снайперы не просто целятся в детей и женщин. Не просто взрывают жилища и церкви. Они пытаются разрушить самое святое для православных – веру (не случайно имя молодой матери – Вера). Наверное, впервые Иванов говорит об онтогенном испытании духовности и о той грани, которая отделяет людей от не-людей.

В новелле совершенно явно присутствуют библейские мотивы, возникают аллюзии: Вера с мертвым ребёнком на руках – и Мадонна, и Богоматерь возле распятого Сына Божия... При помощи реминисценций и аллюзий Иванов утверждает мысль о самоценности каждой человеческой жизни, всего живого на Земле. Невозможно без слёз читать строки о горе юной матери, у которой отнимают младенца... И как тонко и вместе с тем гениально просто, всего нескольких штрихами может передать это автор! Мы не слышим громких рыданий и проклятий, не видим душераздирающих сцен, внутренних монологов. Страдания женщины так велики, что их не передать никакими словами. Малыш для неё жив. Ему, мертвому, поёт она колыбельную песню. С трудом “выдирает” из её рук “недоколыбанный” кума. “Чёрной сгорбленной тенью” стоит она у могилки. Мы понимаем, как невыносимо тяжело ей возвращаться в осиротевшую

хату (“Главное было довести Веру домой...”). Будто бы именно её, а не сына лишили жизни. Комок в горле и слёзы: – Богданчик не успел поведь перед бомбёжкой!...”. Не смогла она его накормить и не сможет уже никогда... Никогда.

Женщина как будто онемела от горя. Чувство вины, жалости, ощущение непоправимой беды, непередаваемого страдания, такого страдания, которое высказать невозможно и предстать страшно (вспомним ахматовских: “А туда, где молча Мать стояла...”) передаётся при помощи парцелляции: “Вера вышла из дома, передоетая в камуфляж Василия. Приняла молоко обратно,

прижала к груди баночку. Покачалась, как только что баюкала сына. Что-то вспомнив, на ощупь открыла побитую осколками калитку в сад. Присела над ближней, самой маленькой яблонькой...”. Как своего сыночка, ушедшего в землю, кормит молоком яблоньку.

Мы не знаем, уцелел ли “Русак”, отец мальчика, вызвав огонь на себя сумасшедшим броском в “самое пекло”... На похороны он не успел, а по его БМП перестали стрелять. Почему? “Выстрелил – и забыл”? Тревога звучит в словах его сестры: “Теперь бы с Васькой ничего худого не случилось...”. “Русак” молчит и, возможно, страшные предчувствия не обманули родных. Защищать жизнь, Родину уходит к терроризмам Вера в камуфляж мужа. Она идёт, чтобы “давние завязь яблони, вишни, сливы” – символ продолжающейся жизни – дождался плодов, чтобы выросла и зацвела яблонька в её саду. Чтобы навсегда замолчала канонада на её земле. Чтобы пели соловьи над могилкой в седьмом ряду... Она идёт остановить безумие.

На мой взгляд, новелла имеет сложный в философском отношении финал. Всем содержанием произведения, его эмоциональной сферой автор готовит читателя к выводу о том, что надо бороться с этим сумасшествием, надо противостоять ему. Надо победить дьявольскую силу. И если “медведки”... “при первых же выстрелах вжались в землю так, что сами превратились в кладбищенскую пыль”, то оружие берёт в руки женщина. Та, которая должна продолжать род человеческий, а не убивать.

Вера уходит “строго по правому лучу креста...”. Деталь “по правому лучу...” явно не случайная. Православные знают, что “одесную”, т.е. справа от Христа – праведники, те, кто идёт по правильному пути, его паства, “овцы”. Она идёт к ополченцам, а ведь “в Донбассе любой первоклассный преподаст урок географии: где юг, там ополчение. Защита...”. Получается, что выбор её сердца оправдан высшими силами...

Думаю, что создавая новеллу автор ставил перед собой дерзкую сверхзадачу: не только рассказать правду о войне в Донбассе, не только обнажить безобразную её сущность, но попытаться достучаться до “дирижёров” этого чудовищного “военного оркестра”. До тех, кто “пишет сценарий” судеб целых народов. Для кого люди – всего лишь пешки, актёры, разыгрывающие действие по его указке. Кто считает, что может распоряжаться жизнями миллионов граждан. По чьему распоряжению погибает только что родившийся младенец в то время, как сами “сценаристы” и “режиссёры”, уютно развалившись в креслах партера, в Нью-Йорке, Милане или Киеве, наслаждаются гармонией “Вреён года” Вивальди...

О новой книге Алексея Шорохова “Озени Бульварного кольца”

Алексей Шорохова знаю уже лет двадцать. Сначала по его стихам, очень тонким и образным одновременно, то есть точным. Это тот случай, когда угадываешь одного истинного поэта из десяти неистинных.

Позже выясняется, что Алексей не стыдится и высокой публицистики, выступая автором, пристрасно, но объективно оценивающим происходящее не только в литературе, но и в мире.

И вдруг Алексей Шорохов при очередной встрече дарит книгу прозы. Заметьте, прозы, а не поэзии. Случай нормальный, по закону “лета к суровой прозе клоняет”, а они как раз к сорока. В книге десять рассказов и две повести. Повесть “Победа пахнет фиалками и напаломом” я читал ещё несколько лет назад в журнале “Москва” и был ею поражен. Там история честного русского солдата, а потом контрактика, который просто ищет заморских военных напастей на свою голову, поскольку не может найти мира в своей душе и морального покоя на своей малой родине.

Тут великолепно сработало извечное незыблемое писательское правило: не о чём написать, а КАК написать. Повесть удивительно по органичности, по аптексарски дозированной сочетанию лирики и brutality.

Ведь милая любому сердцу лирика тоже приедается, даже переходит в слащавость. А её противоположность, избыточная жёсткость, в конце концов,

тняет просто напиться.

Сюжет повести сделан из записей того самого солдата, это тоже необычно и увлекательно. Никакой скуки, главной беды прозы, не чувствуешь ни в одной строке. А последние абзацы вообще изумительны своей неожидан-

ностью и внепланетным смыслом: там автор видит телепередачу из пылающего Косово, где юную девушку с автоматом называют сербкой, а он узнаёт синие глаза её старшего брата, чьи записки и держали нас в напряжении всю повесть.

Шорохов не боится писать жёстко, но никогда не переходит грань, которую так любят переходить “дети девяностых”, гнавших чернуху. Другая повесть “Младенца Георгия...” локальна по сюжету, однако столь же напряжена и быстра. Тут о ветреной девушке, от кого-то заберемейшей и вдруг ввергнутой в жестокие нравственные мученья – оставлять ребёнка, или делать аборт.

Любящий отец и нелюбящая

кличная мать – и на этом фоне впервые, наверное, описанные – причём так протрезительно – переживания зародыша, живущего в утробе и ждущего своей участи.

Шорохов беспощаден, он убивает

младенца. Ему не нужны миллионы

растиражированные финалы со счастливым концом. Пусть Голливуд этим занимается, зовя читателя-зрителя

Творенье может

пережить творца:

Творец уйдёт,

Природой побеждённый,
Однако образ, им запечатлённый,
Веками будет созреть сердца.

МИКЕЛАНДЖЕЛО

Нельзя творить без вдохновения, да и нужно ли это делать? Не могу от-

способом". Иначе говоря, каждому стоит попытаться совладать с творчеством, лишь бы было желание. И даже не сколько желание, сколько вдохновение. Луч света, который прядётся где-то глубоко, способный являться средством для обсуждения столь непростого творчества.

В этом и кроется главная проблема

творца: в поиске того, что умеет вдох-

Искусство создавать вечность

ветить, но готов поставить на то, что если уж вам повезёт ухватиться за руку, протянутую ангелом, вы последуете за ней. Главное – найти нечто, позволяющее обратиться на вас внимание тех, кто живёт где-то наверху.

Блуждая по проспектам собственной головы, прядясь от плохих мыслей по дальним уголкам, я Ищу. Ищу нечто светлое: ярчайшее ядро, собственное своим блеском ослепить каждого, кто до него дотронется. Это своего рода способность абстрагироваться. Это идея. Вдохновение. Возможность не видеть ничего вокруг, кроме листа бумаги. Не видеть ничего, кроме мысли, быть внутри неё, желать созидать. Не важно, где прядётся свет, я найду его. Найду ту самую подворотню, тот самый дом, тот самый подъезд, где он живёт. Среди тёмных улиц, по которым парами гуляют похоть и чревоугодие, гордыня и гнев, я отыщу свет, как бы он ни скрывался.

Творчество – тончайшее, сложнейшее дело. Хрупкая материя в руках нетесанного болвана. Скоростной болид под управлением новика. Оно неподвластно никому. Правда, только слабак не захочет попытаться с ним справиться. Великим Гёте было сказано: “В глубине человека заложена творческая сила, которая способна создать то, что должно быть, которая не даст нам покоя и отдыха, пока мы не выразим это вне нас тем или иным

новлять. Человек – сфера эмоций, ощущений – чувств. Его Единственная задача – пробудить в себе то, что может заставить создавать – вдохновение. Что же для этого необходимо?

Один из самых верных и, наверное, простых вариантов – музыка. Всё предельно просто. Текст, мотив, их идеальное сочетание словно выстреливают в уши волнами энергии. Певец, пусть это звучит банально, отдаёт нам часть себя, своей энергии. На протянутой руке дарит их нам. Нужно только принять их, и приняв, браться за дело.

Далее можно так же рассматривать книгу, театр или кино. Наверное, мы ошибаемся, уравнивая эти виды искусства, но попытаюсь доказать собственную точку зрения. Любое стоящее, нет, шедевральное произведение вселяет в нас жизнь героя. Прочитав книгу или посмотрев талантливый фильм мы буквально заставляем в себя его персонажей. На улицах человеческого мозга при прогулке можно встретить Онегина, Гамлета, лирических героев великих поэтов. С ними можно поздороваться, поговорить. Только представьте себе: рефлектируя, мы уходим в другой мир, собственный мир, с удивительным населением. Гуляя внутри себя, мы обходя порочные мысли, можем встретиться с теми, кого только что узнали или с теми, кого знаем уже годы. Почувствовать их, примерить их

счастливо сплать гамбургер после окончания действия. Алексею нужно, чтоб наш читатель содрогнулся, глубоко задумался. На недели, может, на месяцы, а может, и всю жизнь свою перевернул к лучшему.

В конце концов, этому и служит на-

Младенца Георгия...

стоящая литература.

О стиле. Шорохов не боится делать длинные абзацы, которых так боится современный ленивый читатель. Отнюдь, они нисколько не тягостны. Вспомним, что Гоголь делал абзацы на две-три страницы, которые, тем не менее, тоже читаются с удовольствием.

А коли надо передохнуть и упериться отдельной фразой – на помощь приходит метафора. Она у автора, конечно же, не затёрта, а свежа, как и полагается в прозе.

О рассказах говорить не буду, они в силу своей ёмкой краткости не подлежат пересказу. Все их прочёл с удовольствием, в них те же признаки, что и в повестях, – нескупная размеренность, вдумчивость, подкреплённая незамысловатым художественным образом. Здорово, что у нас есть такой прозаик. Поэзия – святое понятие, зато проза – главное из искусств. Поэты зреют в двадцать, а прозаики в сорок. Значит, у Алексея Шорохова впереди ещё несколько десятков лет волшебного творчества.

Юрий ОНОПРИЕНКО

переживания на себя, хотя бы на долю секунды побыть ими. Это волшеб-

ство. Ведь внутри себя – совершенно новая жизнь. Человек – будто президент внутренней страны, с каждым жителем которой он знаком лично.

Но сколько бы книг ни было прочитано, спектаклей или фильмов просмотрено, сколько бы потрясающих послесловий ни проживало внутри нас, необходимо выделить место для самого главного жителя. Того, который наиболее реален – человека, живущего в реальном мире и в то же время в нашем головном – мозговом, и сердечном – чувственном. Я говорю о нашей Музе. О том персонаже, кого написала сама судьба, а не человеческое воображение.

До появления в жизни такого созвездия каждый слеп. Муза – вдохновение по-настоящему творческое – она и есть само творчество. Она позволяет видеть. Если реальный мир по какой-то причине кажется нам расплывчатым, фрагментарным, возможно даже гнусным и не достойным того, чтобы его лицепреть, то Муза – это очки, мир преобразующие, оживляющие, одушевляющие. Мир становится чётким, выпуклым, цельным – своим, обжитым. Жизнь проявляет свою красоту только благодаря этому Явлению, ведь иначе, будучи слепым, нет смысла и бродить по этому миру.

Мы можем творить только благодаря вдохновению. Истинному, чувственному, ведь чтобы стать частью вечности, нужно просто надеть очки, выправляющие собственное деформированное зрение.

Виктор СИДОРЕНКО